

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Черкасской Надежды Алексеевны
*«Междинастические браки дома Романовых (вторая четверть XIX – начало XX вв.):
пространство политических и социокультурных трансферов»*,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.1. – Отечественная история

Институт междинастических браков уходит своими корнями в давние времена. Уже в государствах Древнего Востока вполне сложилась практика заключения браков между представителями разных царствующих династий. В России история междинастических браков начинается в конце X в., когда Святой Владимир заключил семейный союз с византийской царевной Анной. В разные периоды нашей истории приоритетные цели подобных браков, как и их интенсивность, варьировались в зависимости от внутри- и внешнеполитических обстоятельств, а также от менявшихся представлений о личном пространстве. Влияние междинастических браков на исторические процессы следует признать весьма значительным. Вместе с тем, в отечественной историографии до сих пор отсутствовало комплексное исследование, посвященное институту междинастических браков, его эволюции и политической роли как в рамках всей российской истории, так и в пределах определенного исторического периода. Диссертация Н. А. Черкасской призвана в значительной степени восполнить имеющийся пробел, сформировать более объективные представления о политико-династических реалиях России XIX – начала XX в.

Автор, исходя из цели и задач своего исследования, обстоятельно проработала имеющуюся исследовательскую литературу, рассмотрев дореволюционную, советскую и современную отечественную историографию вопроса, привлекая также и зарубежные исследования. Н. А. Черкасская не только привела разбор отдельных работ в рамках того или иного периода, но и дала квалифицированную характеристику каждому из этапов историографии с точки зрения раскрытия исследуемой тематики.

Обоснованность хронологических рамок, нижней границей которого является законодательное закрепление брачных норм Дома Романовых в 1820-е – 1830-е гг., а верхней границей – свержение монархии в России в 1917 г., не вызывает сомнений.

Несомненной ценностью исследования является его методологическое основание, что позволяет говорить о высокой теоретической значимости работы. Соискательница продемонстрировала умение ориентироваться в теоретико-методологических изысканиях и сопрягать интересующие ее в исследовательском плане вопросы с разработанными методологическими схемами. Отбор таковых, произведенный в рамках диссертационной работы (теория культурных трансферов М. Эспаня, концепция имиджа В. М. Шепеля и Г. Г. Почепцова, гендерный подход, сценаристская концепция Р. С. Уортмана), представляется обоснованным и адекватным поставленным задачам.

Источниковая база исследования, включающая законодательные акты, эго-документы, периодику, делопроизводственную документацию и визуальные материалы, причем помимо опубликованных документов достаточно широко привлекаются и архивные материалы (фонды РГИА и в небольшой степени ГАРФ и РГАДА), представляется весьма солидной и позволяющей делать аргументированные выводы по поставленным исследовательским вопросам. Предложенная автором типология источников вполне адекватна теме работы, Н. А. Черкасской удалось продемонстрировать сложившиеся навыки источниковедческого анализа.

Не вызывает сомнений новизна исследования. В рамках данной работы впервые в историографии был проанализирован процесс трансформации института междинастических браков в рамках рассматриваемого периода, реконструировано пространство политических и социокультурных трансферов и охарактеризована роль их посредников, сделаны выводы о влиянии браков на самоидентификацию членов Дома Романовых и формирование их образов в разных сегментах общества.

Н. А. Черкасская, на мой взгляд, удачно структурировала содержание своего исследования. Первая глава посвящена юридическим основам междинастических браков в России. Автор анализирует процесс утверждения нормативных актов, их дальнейшую корректировку и правоприменительную практику. Н. А. Черкасская очень точно называет Акт о престолонаследии 1797 г. «конституцией» Дома Романовых (с. 47) ввиду того, что каждый вновь вступающий на престол монарх обязывался под присягой соблюдать данный закон. Исследователь демонстрирует широту кругозора и историческую эрудицию, делая оправданные и необходимые экскурсы в практику Древнего Рима, средневековой Европы, допетровской Руси.

Особое внимание автор уделяет постепенной либерализации взглядов на допустимость мorganатических браков. В 1911 г. было созвано совещание для рассмотрения вопроса о браках князей и княжон императорской крови с лицами, не имеющими соответствующего достоинства. Все Великие князья, участвовавшие в совещании, разделяли мнение, что допущение для князей и княжон крови неравнородных браков и своевременно, и справедливо. Также все согласились с тем, что потомству от подобных браков не может быть присвоено никаких прав членов Императорского Дома. Указом 1911 г. князьям и княжнам крови отныне не воспрещалось заключать мorganатические браки, достаточно было лишь получить соизволение императора. В результате, как отмечает Н. А. Черкасская, княжна Татьяна Константиновна, дочь Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны, уже в том 1911 г. стала супругой князя К. А. Багратион-Мухранского, а княжна Ирина Александровна в 1914 г. вышла замуж за князя Ф. Ф. Юсупова, графа Сумарокова-Эльстона.

Во второй главе междинастические браки представителей Российского Императорского Дома рассматриваются в контексте международных политических отношений. Автор точно определяет принцип равнородности, сложившийся к XIX в. в рамках российской и европейской брачно-династической традиции, как необходимое условие для осуществления политических и социокультурных трансферов.

В рамках второй главы автор выделяет сложившиеся направления романовских династических браков: германское, британское, датско-греческое и появившееся ближе к исходу XIX столетия славянско-балканское. Ценным моментом работы является то, что автор не подходит к данному делению исключительно по формальному признаку. Так, исследователь отмечает, что императрица Александра Федоровна, будучи по рождению гессенской принцессой, и брак императора Николая II с которой рассматривается в рамках «германского направления», по своей ментальности и самоидентификации, сложившейся к моменту заключения брака, была англичанкой (с. 130). Такая ситуация была вызвана ранней кончиной матери и последующего влияния на ее воспитание со стороны бабушки, британской королевы Виктории.

Важным разделом второй главы является рассмотрение неосуществленных брачных проектов, без которых исследование тематики страдало бы очевидной неполнотой, поскольку даже неосуществленные браки сами по себе показательны для изучения формирования междинастических направлений, характерных для российской царствовавшей династии. Считаю необходимым отметить такой частный эпизод, показывающий достоинство и обстоятельность исследования, а также смелость и, в определенном смысле, отвагу автора, как использование в данной главе в качестве источника, наряду с другими материалами, дневников графа С. Д. Шереметева (с. 125), почерк которого среди исследователей пользуется весьма дурной славой.

Долгое время все российские Великие княжны становились женами европейских королей или принцев и покидали Россию, а Великие князья брали в жены иностранных принцесс. На рубеже XIX–XX вв. ситуация, как отмечает Н. А. Черкасская, стала несколько меняться. Дом Романовых сильно разросся, и это давало возможность заключать равнородные браки между не самыми близкими родственниками внутри Императорской Фамилии. Первым и, как оказалось, единственным внутривановским браком стал союз сестры Николая II Великой княжны Ксении Александровны и его двоюродного дяди,

Великого князя Александра Михайловича, заключенный в 1894 г. В последние годы существования Империи возникали разные проекты браков внутри династии, которые, однако, так и не реализовались по разным причинам. Свадьбе князя Олега Константиновича и княжны Надежды Петровны помешала гибель жениха на войне. Кандидатуры Великих князей Бориса Владимировича и Дмитрия Павловича на роль мужа для старшей дочери Николая II, Великой княжны Ольги, были отвергнуты как матерью, так и самой невестой. Обсуждались возможности других внутриромановских браков, которые также так и не были заключены.

Автор отмечает, что у Великих княжон была другая возможность заключить соответствующий династическому праву брак и при этом остаться в России. С первой половины XIX в. в России проживали ветви герцогов Лейхтенбергских и принцев Ольденбургских. Они состояли в тесном родстве с Романовыми, находились на русской службе и вполне ощущали себя подданными российского монарха. Герцоги Лейхтенбергские при Николае I даже официально стали членами Российского Императорского Дома, получили титул князей Романовских и Императорских Высочеств. Во второй половине XIX в. в России обосновалась русская ветвь еще одной зарубежной династии – герцогов Мекленбург-Стрелицких.

С древних времен практически во всех монархических государствах неизменно формировалась идея, согласно которой брак члена царствующей семьи должен соответствовать прежде всего государственным, а не личным интересам. Автор диссертационного исследования показывает, что подобные соображения играли значительную роль и в Российской Империи, однако с течением времени происходила определенная эволюция. Н. А. Черкасская показывает, как во второй половине XIX в. прочно укрепилась мысль о необходимости сочетания династических интересов и сердечной привязанности, впрочем, подобную же мысль, как отмечено в исследовании, разделял еще Николай I (с. 70). Брак, конечно, должен был быть равнородным, но при этом жених или невеста должны подбираться с учетом не одних лишь государственных интересов, но и личной симпатии. Так, Александр III и Мария Федоровна, выбирая невесту для сына и наследника, стремились учитывать его личные симпатии. Как признался император министру иностранных дел Н. К. Гирсу, размышляя о женитьбе цесаревича, ему «больно и тяжело подумать о браке единственно с политической точки зрения» (Ламздорф В.Н. Дневник, 1886–1890. Минск, 2003. С. 100).

Николай II и Александра Федоровна полностью разделяли убеждение, что брак, хотя бы и династический, должен быть заключен по любви. Несомненно выгодный с точки зрения российских интересов брачный союз их старшей дочери Ольги и наследника румынского престола принца Карла (Кароля), будущего короля Карла II, не состоялся из-за нерасположения Великой княжны к предполагаемому жениху. Министру иностранных дел С. Д. Сазонову императрица по поводу несостоявшегося брака Ольги с Каролом сказала: «...я считаю себя обязанной предоставить моим дочерям право выйти замуж только за людей, которые внушат им к себе расположение. Дело Государя решить, считает ли он тот или иной брак подходящим для своих дочерей или нет, но дальше этого власть родителей не должна идти» (Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 130).

Особенную ценность диссертационного исследования, по моему мнению, представляет третья глава, анализирующая междинастические браки как пространство социокультурных трансферов. Вопросы, рассмотренные в данной главе, представляются наиболее сложными в теоретико-методологическом отношении. В первом разделе главы обстоятельному, детальному разбору подвергается брачный договор как регулятор статуса сторон междинастического семейного союза. Автор приводит примеры конкретных брачных договоров и отмечает в целом высокую степень защищенности интересов обеих сторон, при этом отмечая один недостаточно проработанный договор, касающийся брака Великой княжны Марии Павловны и принца Вильгельма Шведского, герцога Зюдерманландского, что привело к определенным проблемам представительницы Дома Романовых (с. 141–142).

Во втором разделе третьей главы рассматривается церемониал междинастических браков, которые заключали члены Российской Императорской Фамилии. Автор подробно разбирает такие важные обряды, как миропомазание, имянаречение и, собственно, само венчание. Как показывает исследование Н. А. Черкасской, известный разворот в сторону традиционных русских допетровских начал, произошедший в царствование императора Николая I и предвосхитивший последующий при Александре III решительный переход от петербургского к московскому сценарию власти (по Р. С. Уортману), ярко проявился в брачном церемониале, широком появлении при дворе русских платьев и был частью осознанной политики Николая I. Автор отмечает, что синтез русского придворного платья и европейской горностаевой мантии, русской диадемы и короны европейского образца демонстрировали Россию одновременно и как европейское, и как самобытное государство (с. 158). Исследователь обратила внимание и на такой важный момент, как смена имени иностранной принцессы, становившейся российской Великой княгиней, и при этом сохранение русского имени у Великой княжны, которая выходила замуж за иностранного принца и переезжала на его родину.

Финальный (третий) раздел третьей главы посвящен национальной самоидентификации и самопрезентации представителей Российского Императорского Дома, происходящей в рамках междинастических браков. Императрице, жене царствующего монарха, происходившей из зарубежной династии, надлежало прежде всего отождествить себя с новой Родиной и ее интересами, что вполне удавалось всем монархиням, хотя, как отмечает автор, императрица Александра Федоровна (жена Николая I) испытывала трудности во владении русским языком из-за особенностей его преподавания ей В. А. Жуковским (с. 176–177).

Конечно, реальная действительность сложнее и многообразней существующих схем и принципов. Так, можно отметить, что у императрицы Марии Федоровны, жены Александра III, до замужества бывшей датской принцессой, и впоследствии сохранялась в некоторой степени внутренняя самоидентификация с Данией. Германский рейхсканцлер князь Отто фон Бисмарк однажды даже «заклеймил» ее как «датскую патриотку» (Ламздорф В.Н. *Дневник, 1886–1890*. Минск, 2003. С. 178, 180). Тем не менее, говорить о кризисе идентичности в данном случае не приходится. Для него не возникало почвы, поскольку российско-датские отношения на рубеже XIX–XX вв. не переживали осложнений. С другой стороны, что касается императрицы Александры Федоровны, жены Николая II, то она, дочь великого герцога Гессенского и Прирейнского Людвига IV и внучка британской королевы Виктории, став российской императрицей, не сохранила никаких элементов германского и британского патриотизма. Теплые чувства к немецким и английским родственникам не приводили к привязанности к Германской Империи или к Соединенному Королевству (см.: Савченко П. *Государыня Императрица Александра Федоровна*. Белград, 1939. С. 80). Если монарх традиционно воспринимался как царь-батюшка, то его супруга-императрица – как царица-матушка. Последняя царская чета вполне разделяла это представление. В одном из писем мужу императрица Александра Федоровна прямо называла себя «матерью России» (Письма Императрицы Александры Федоровны к Императору Николаю II. Т. II. Берлин, 1922. С. 263).

Распространение материнских чувств на Россию было особенно характерно именно для Александры Федоровны, которая продолжала чувствовать себя «матерью России» и после революции 1917 г.: «...я все еще Мать этой страны, и ее боль для меня то же, что и боль моего ребенка, я люблю ее, несмотря на ее грехи и ужасы. Никто не может оторвать дитя от сердца матери, равно как и страну нельзя отделить...» (Александра Феодоровна Романова, Государыня Императрица. *Дневниковые записи, переписка*. М., 1998. С. 433–434).

Общепринятый в Европе XIX в. принцип династических браков предназначал монарших дочерей к тому, чтобы стать женой представителя иностранного царствующего дома. Не была исключением и Россия. С одной стороны, романовские девушки становились супругами иностранных владетельных особ, с другой стороны, женами мужских представителей российской царствовавшей династии становились иностранные принцессы.

Во всей монархической Европе само собой разумеющимся считалось, что принцесса обязана отождествить себя со страной своего мужа и полностью отдаться новой родине.

Н. А. Черкасская приводит два исключения из общего ряда: королеву эллинов Ольгу Константиновну и великую герцогиню Мекленбург-Шверинскую Анастасию Михайловну, ситуации которых автор обстоятельно разбирает. Со своей стороны могу отметить, что действительно, Великая княжна Ольга Константиновна, став в 1867 г. женой греческого короля Георга I, не переставала считать себя прежде всего русской Великой княгиней. В одном из писем своему секретарю она признавалась: «Я не могу, не хочу Себе представить Себя не русской и не православной – я только этим и горжусь на земле» (Гаршин М.Ю. Королева Эллинов Ольга Константиновна. Прага, 1937. С. 7). Королева Ольга, навещавшая дислоцировавшийся на Крите русский экспедиционный отряд, писала Николаю II о «наших родных солдатаках», о «нашем чудесном войске», которое она видит «так далеко от родины» (Соколовская О.В. Россия на Крите: из истории первой миротворческой операции XX века. М., 2006. С. 69). Таким образом, Греция так и не стала настоящей родиной для королевы. О том, что и спустя более чем 40 лет после заключения брака с греческим королем его страна оставалась для Ольги Константиновны «чужбиной» красноречиво свидетельствуют такие строки из ее писем: «...как бы мне хотелось быть в Мраморном, дышать родным воздухом среди родных людей»; «...21-го с Божьей помощью буду дома, в милом Мраморном»; «На днях два месяца, что я уехала [из России]; кажется вечностью, и я уже мечтаю, как опять к вам поеду...» (РО ИРЛИ РАН. Ф. 137. Оп. 1. Д. 230. Л. 33об., 39–39об., 44).

Российский, а не греческий патриотизм Ольги Константиновны иллюстрирует один характерный эпизод, который приводит Н. А. Черкасская (с. 183–184). Однажды яхта королевы шла мимо Константинополя, и один из придворных при виде мечети Айя-София спросил свою государыню: «Когда же, наконец, греческий флаг будет развеваться над бывшим византийским собором?». В то время греки мечтали воплотить в жизнь «Μεγάλη Ιδέα» («Великую идею»), суть которой заключалась в том, что в состав греческого королевства должны войти земли Османской Империи, населенные греками, вместе с исторической столицей греко-византийской цивилизации. Но Россия имела собственные виды на Константинополь и проливы, поэтому на вопрос придворного королева ответила: «Ποτέ» («Никогда»).

Н. А. Черкасская отмечает, что в начале XX в. впервые в российской истории ярко проявилось и «обратное» исключение – черногорский патриотизм Великих княгинь Милицы и Анастасии, дочерей черногорского короля Николая I и жен русских Великих князей Николая и Петра Николаевичей (с. 111–113). Действительно, перед Первой мировой войной и во время ее «черногорки» всеми силами стремились «к улучшению и упрочению на Балканском полуострове положения Черногории» (Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. М., 2007. С. 108).

Отмечая несомненные достоинства диссертационного исследования Н. А. Черкасской, нельзя, однако, обойти стороной и некоторые недостатки:

1. Вряд ли следует признать справедливым утверждение автора, что в постсоветской историографии работы, посвященные членам Дома Романовых – не императорам, «были редки» (с. 13). На рубеже XX–XXI вв., не считая многочисленных статей, опубликованы монографические работы биографического характера, посвященные наследникам цесаревичам Константину Павловичу, Николаю Александровичу (старшему брату императора Александра III) и Алексею Николаевичу, Великим князьям Константину Николаевичу, Алексею Александровичу, Сергею Александровичу, Николаю Константиновичу, Константину Константиновичу, Михаилу Александровичу, королеве эллинов Ольге Константиновне, Великой княгине Марии Павловне-младшей, князю императорской крови Иоанну Константиновичу, княгине императорской крови Елене Петровне.

2. Перечисляя мемуары, оставленные членами Дома Романовых, автор пропускает воспоминания Великой княгини Марии Георгиевны, рожденной принцессы Греческой (А

Romanov Diary: The Autobiography of H.I. & R.H. Grand Duchess George. New York, 1988), и князя императорской крови Романа Петровича, сына Великого князя Петра Николаевича и Великой княгини Милицы Николаевны, рожденной княжны Черногорской (Roman Romanow, Prinz. Am Hof des letzten Zaren. München; Zürich, 1995). Представляется, что данные работы, особенно мемуары Марии Георгиевны, могли бы существенно дополнить исследование.

3. Автор лишь в малой степени привлекает такие ценные источники для раскрытия темы, как личные дневники членов Дома Романовых. Вместе с тем, в ГАРФ хранятся дневники 39 представителей династии, часть из которых опубликована; кроме того, в небольшом количестве романовские дневники также отложились в РГИА (два представителя династии), отделах рукописей РГБ (один) и РНБ (два). В архивохранилищах представлены дневники как императоров и императриц, так и большого числа Великих князей, Великих княгинь и Великих княжон. Также автор, на мой взгляд, мало использует переписку Романовых, которая в еще большем объеме, нежели дневники, отложилась в отечественных архивохранилищах (ГАРФ, РГИА, РГАДА, НИОР РГБ, ОР РНБ, отдел письменных источников ГИМ, Государственный архив Республики Крым). Как и в случае с дневниками, значительный массив романовской переписки уже опубликован. Широкое использование дневников и переписки членов Императорского Дома, как представляется, могло бы существенным образом обогатить исследование, особенно в плане раскрытия вопроса самоидентификации.

4. Соискатель допускает существенные ошибки в понимании принципа равнородности. Так, браки с медиатизированными династиями она называет «неравнородными» (с. 69), что не соответствует действительности. Медиатизированные династии также считались владетельными, а брак с ним считался вполне равнородным. Мнение автора о морганатическом характере браке Великой княжны Марии Николаевны с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским (с. 69–70) невозможно признать справедливым. Брак с Лейхтенбергскими считался равнородным как в России, так и за рубежом – еще до свадьбы Максимилиана с дочерью Николая I (1839) одна из сестер жениха, Жозефина, уже была женой кронпринца Оскара Шведского, другая сестра, Евгения, в 1826 г. вышла замуж за принца Константина Гогенцоллерн-Эхингенского, третья сестра, Амелия, в 1829 г. стала супругой бразильского императора Педру I, а брат Август в 1834 г. женился на португальской королеве Марии II. Также автор отмечает, что «более пятидесяти лет Бернадоты считались неприемлемой партией для европейских принцев и принцесс, и, осознавая это, не стремились к заключению междинастических браков» и что ситуация стала меняться только начиная с царствования Оскара II (с. 71). В действительности Шведский Королевский Дом Бернадотов активно заключал междинастические союзы задолго до вступления на престол Оскара II в 1872 г. Как уже было отмечено, еще кронпринц Оскар, будущий король Оскар I, в 1823 г. заключил брак с принцессой Жозефиной Лейхтенбергской. Их старший сын, кронпринц Карл (будущий король Карл XV), в 1850 г. женился на принцессе Луизе Нидерландской, другой сын, принц Оскар (будущий король Оскар II), в 1857 г. женился на принцессе Софии Нассауской, а младший сын, принц Август, в 1864 г. стал мужем принцессы Терезы Саксен-Альтенбургской. В 1869 г. дочь Карла XV, принцесса Луиза, стала женой кронпринца Фридриха Датского (будущего короля Фридриха VIII), брата цесаревны Марии Федоровны (будущей российской императрицы) и принцессы Уэльской Александры (будущей королевы Великобритании). В качестве одной из возможных причин отказа Великого князя Константина Константиновича представителю сербской королевской династии Карагеоргиевичей жениться на княжне Татьяне Константиновне автор называет «недостаточную равнородность Романовым» (с. 72). Вместе с тем, принцип равнородности не имеет степеней или градаций: равнородность как беременность – или есть, или нет. Правда, нужно отдать должное Н. А. Черкасской, которая наиболее вероятной причиной считает все-таки опасность грядущих революционных потрясений в Сербии (с. 72). Действительно, в XIX – начале XX в. в Сербии конкурировали две равноуважаемые династии Карагеоргиевичей и Обреновичей, периодически сменяя друг

друга на престоле. Новый приход Карагеоргиевичей к власти в 1903 г. происходил при особо кровавых обстоятельствах, когда были жестоко убиты король Александр I Обренович, его жена, королева Драга, и ряд других лиц.

5. Трудно согласиться с тем, что заключение русско-французского союза в 1891–1893 гг. было вызвано негативным отношением императора Александра III к германскому императору Вильгельму II и переносом «личного отношения Александра III на политическую деятельность» (с. 87). На первом плане здесь находились геополитические соображения, в частности, факт тесного союза, возникшего к тому времени между Германией и Австро-Венгрией, которая проводила враждебную для России политику на Балканах.

6. Династическим сближением России и Великобритании можно назвать не только брак Великой княжны Марии Александровны и герцога Альфреда Эдинбургского, но и браки Великого князя Сергея Александровича и императора Николая II, которые женились на гессенских принцессах Елизавете и Алисе. В связи с ранней кончиной матери они во многом воспитывались бабушкой, королевой Великобритании Викторией, с которой оставались близки до конца ее жизни. Виктория внимательно подбирала женихов внукам, одобрила кандидатуры обоих представителей Дома Романовых, и в дальнейшем обе четы поддерживали тесные контакты с королевой, часто гостили у нее. И Великий князь Сергей Александрович, и император Николай II неоднократно отмечали в письмах и дневниках очень теплое отношение к себе со стороны бабушки их жен. Соответственно, под влиянием высоких личностных качеств Сергея Александровича и Николая II, королева стала более тепло относиться к России в целом, что, несомненно, является как раз следствием междинастической коммуникации. Еще одним тесным династическим каналом взаимодействия между Россией и Великобританией были близкие отношения двух сестер – императрицы Марии Федоровны и королевы Александры, жены сына и наследника Виктории, короля Эдуарда VII. Сестры находились в постоянной переписке.

7. В работе встречается немало неточностей. Так, например:

– автор указывает, что свои воспоминания королева Вюртембергская Ольга Николаевна написала «в середине XIX в.» (с. 33); в действительности же они были написаны в конце ее жизни, на рубеже 80-х – 90-х гг. XIX в.;

– в диссертации на с. 54 выдвинуто предположение, что в формулировке «какого закона будут дети» из «Учреждения об Императорской Фамилии» имеется в виду, к какой династии будут принадлежать. Однако, здесь слово «закон» является синонимом «вероисповедания», как это часто употреблялось в XVIII–XIX вв. В случае, если иностранный принц переезжал в Россию к жене – рожденной Великой княжне, то их дети все равно автоматически относились к иностранной династии (принцы Ольденбургские, герцоги Мекленбург-Стрелицкие), а герцоги Лейхтенбергские стали исключением по особому распоряжению Николая I;

– на с. 56 указано, что «21 февраля [1911 г.] совещание по Высочайшему соизволению продолжилось без министров Двора и юстиции князя Кочубея и генерала Мосолова». Здесь допущена досадная опечатка, поскольку министром Императорского Двора и уделов в то время был барон В. Б. Фредерикс, министром юстиции – И. Г. Щегловитов. Князь В. С. Кочубей занимал пост начальника Главного управления уделов, а генерал А. А. Мосолов – начальника канцелярии Министерства Двора;

– говоря, что Иоанн Грозный в вопросах брака «руководствовался исключительно личными симпатиями» (с. 62), и имея в виду только его собственные семейные союзы, автор забывает о классическом династическом браке, состоявшемся в его царствование, в условиях Ливонской войны – брак двоюродной племянницы царя, княжны Марии Владимировны Старицкой, и датского принца Магнуса (1573 г.). Далее, соискатель пишет: «Династический кризис, Смута и война заставили на некоторое время забыть о вопросе династических связей. Эта практика была возрождена уже после того, как Россия стала империей» (с. 62). В действительности, в XVII в. стремление к заключению династических браков на Руси

проявлялось. Так, на рубеже XVI–XVII вв. царь Борис Федорович (Годунов) активно занимался устройством брака своей дочери Ксении. После того, как несколько кандидатур отпало, женихом царевны стал принц Иоанн Шлезвиг-Гольштейнский, но свадьбе помешала внезапная кончина принца. После этого царь продолжил поиски жениха среди представителей иностранных династий, переговоры были прерваны лишь в связи со смертью Бориса Федоровича и воцарением Лжедмитрия I. Далее, царь Михаил Федорович пытался устроить брак своей дочери, царевны Ирины, с сыном датского короля, графом Вальдемаром-Христианом Шлезвиг-Гольштейнским. На с. 63 в ряду католических королевств автор упоминает Австро-Венгрию (двуетную монархию, состоящую из Австрийской Империи и Венгерского Королевства) и Монако (княжество). Здесь же упоминается династический союз России с Австро-Венгрией. Однако в момент заключения брака эрцгерцога Иосифа Австрийского, палатина Венгерского с Великой княжной Александрой Павловной (1799) до создания Австро-Венгрии (1868) было еще далеко (в другом месте, на с. 120, автор также ошибочно называет князя фон Меттерниха «министром иностранных дел Австро-Венгрии», а не Австрии);

– автор отмечает, что «географически германские княжества были близки России, а большое количество этих княжеств (до объединения Германии в 1871 г.) позволяло иметь широкий выбор кандидатов для брачного союза» (с. 80). Однако объединение Германии несколько в этом отношении не изменило ситуацию, так как все германские королевства и княжества сохранили свою государственность и после 1871 г.;

– соискатель указывает, что Королевство Вюртембергское было «медиатизировано Пруссией» (с. 83). В действительности, никакой медиатизации не было, поскольку Вюртемберг, наряду с Пруссией, вошел в 1871 г. в состав Германской Империи, при этом сохранив свою государственность;

– на с. 85 отмечено, что «после 1870-х гг. Романовы... еще дважды женились на немках». На самом деле таких браков, начиная с 1880-х гг., было четыре: в 1884 г. Великий князь Константин Константинович женился на принцессе Елизавете Саксен-Альтенбургской (Великой княгине Елизавете Маврикиевне), а Великий князь Сергей Александрович – на принцессе Елизавете Гессенской (Великой княгине Елизавете Федоровне), затем, в 1894 г., состоялось бракосочетание императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, рожденной принцессы Гессенской, а в 1905 г. – Великого князя Кирилла Владимировича и разведенной великой герцогини Гессенской Виктории-Мелиты, рожденной принцессы Саксен-Кобург-Готской, получившей в России имя Великой княгини Виктории Федоровны. В другом месте (на с. 87) автор снова упускает из виду брак Кирилла Владимировича и Виктории Федоровны, отмечая, что после заключения русско-французского союза браки Романовых с представительницами германских государств, за исключением женитьбы Николая II на Александре Федоровне, прекращаются;

– на с. 94 указано, что в 1878 г. был заключен брак между наследным принцем Фридрихом-Францем Мекленбург-Шверинским и Великой княжной Анастасией Михайловной, и что супруг «скончался рано». В действительности брак был заключен в 1879 г., а скончался Фридрих-Франц, будучи уже великим герцогом, в 1897 г. – вряд ли справедливо считать 18-летний брак краткосрочным, говоря о «ранней» кончине мужа. Здесь же Анастасия Михайловна названа «последней великой княжной, которую выдали замуж за границу», однако впоследствии состоялись браки Великой княжны Елены Владимировны с принцем Николаем Греческим (1902) и Великой княжны Марии Павловны с принцем Вильгельмом Шведским (1908);

– встречаются ошибки в титуловании: Евгения Максимилиановна названа «герцогиней Ольденбургской» и «урожденной принцессой Лейхтенбергской» (с. 122), но в действительности правильная титулатура выглядит ровно наоборот – принцесса Ольденбургская, рожденная герцогиня Лейхтенбергская; статс-дама Е. А. Нарышкина названа «княгиней» (с. 105), тогда как Нарышкины относились к нетитулованному

дворянству; фрейлина императрицы Александры Федоровны баронесса М. П. Фредерикс ошибочно названа «графиней» (с. 179);

– запрет Романовым вступать в морганатические браки был зафиксирован не в манифестах императора Александра I 1820 и 1823 гг., как отмечает автор (с. 211), а в указе императора Александра III от 23 марта 1889 г. (ПСЗРИ-III, №5868). Ранее вступление в морганатический брак законодательно не возбранялось, если на такой брак давалось предварительное согласие монарха.

Впрочем, высказанные замечания и особенно отмеченные неточности, носящие исключительно частный характер, нисколько не влияют на общую высокую оценку диссертационной работы. Н. А. Черкасская провела качественное, фундаментальное и самостоятельное научно-квалификационное исследование. Поставленные задачи, имеющие важное значение для исторической науки, были успешно решены. Работа в полной мере соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. (№ 842), а соискатель Надежда Алексеевна Черкасская без сомнения заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

Даю согласие на включение моих персональных данных в аттестационное дело Н. А. Черкасской.

Автор отзыва:

кандидат исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история, доцент, доцент кафедры междисциплинарных исторических исследований ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Софьин Дмитрий Михайлович

19 ноября 2021 г.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
Адрес: ул. Букирева, 15, г. Пермь, 614068. Тел.: 8 (342) 239-62-84. E-mail: modrus@psu.ru.
Сайт: <http://www.psu.ru/>

Софьин Дмитрий Михайлович

Адрес: ул. Крисанова, д. 26-Б, кв. 77, г. Пермь, 614068. Тел.: 89128845782. E-mail: sofjindm@yandex.ru